

Хан Сиэнь посмотрел на Хан Чжо. Его губы тронула едва заметная усмешка. Словно читая недоумение, застывшее на лице отца, он согласно кивнул:

— Поверит государь или нет — его забота. Моё же дело — говорить. Главное другое: я — наследник этого дома. Рано или поздно управление поместьем перейдёт в мои руки, и мне предстоит преумножить его славу. Если я не развею подозрения императора сейчас, то лишь сам себе вырою яму. Не так ли, отец?

Последние слова он произнёс с мягкой, почти ласковой интонацией, однако их суть резала слух — за напускным миролюбием слишком явно угадывалась непреклонная уверенность в том, что герцогское владение уже принадлежит ему.

Стоявшая рядом старая госпожа Хань давно потемнела лицом от гнева. Судорожно сжав кулаки, она злобно уставилась на внука:

— Что ты себе позволяешь?! Ждёшь не дождёшься, когда отец испустит дух, чтобы прибрать к рукам титул? Какое бесстыдство...

— Полно вам, бабушка, взывать к моей сыновней почтительности, — небрежно отмахнулся Сиэнь. — Я почтителен как никто другой и готов повторить это даже пред ликом императора. Смерти отца я никогда не желал. Вот он, пожалуй, спит и видит меня в гробу — всё-таки у нашего поместья рыльце в пуху после недавнего покушения. Впрочем, даже лютей тигр не пожирает своих тигрят... Должно быть, я просто излишне мнителен.

С этими словами юноша весело прищурился и добавил с довольной улыбкой:

— Но вам, отец, переживать не о чем. Государь поручил расследование дела об убийцах лично мне. Уж я постараюсь обелить и вас, и весь наш род — Поместье герцога Хань.

Хан Чжо лишь холодно хмыкнул и сердито взмахнул широким рукавом халата.

— Знаю, ты точишь на меня зуб. Но повторю ещё раз: моя совесть чиста. И перед императором я скажу ровно то же самое.

На миг лицо старшего Хань приняло сложное выражение. Он пристально посмотрел на сына:

— Думаешь, раз император сейчас благоволит тебе, можно творить всё что вздумается и ни во что не ставить людей? Ошибаешься. Окружающие лишь ждут, когда ты оступишься. Стоит государю охладеть к тебе — и все обвинения, что министры сейчас строчат в своих прошениях, обрушатся на твою голову. Ни одна душа тогда не замолвит за тебя словечко. Конец твой будет жалок.

— А если я буду тише воды, моя участь окажется слаще? — Хан Сиэнь сегодня явно вознамерился довести отца до белого каления, а потому отбросил даже видимость приличий. —

Чем сокрушаться о моей судьбе, лучше поберегите собственную шкуру и этот дом. Перед законом все равны, и если я раскопаю что-то противозаконное, пощады не ждите. Нашему роду довольно и одного паршивого барана в лице третьего дяди. Если объявится второй, имя Поместья герцога Хань мы не сохраним. И тогда, спасая собственные шеи, я лично подам прошение о понижении нашего ранга. Так что не сокрушайтесь о дворянском звании заранее, отец.

Не дав Хан Чжо вставить и слова, он повернулся к притихшему Хан Шу:

— Хорошо, что и вы здесь, второй дядя. Мои слова могут прозвучать как попытка рассорить вас с роднёй, но я скажу это исключительно ради вашего блага: держите ухо востро. Поговаривают, будто бабушка с отцом вовсе не собираются отдавать Цинсюэ в императорский дворец. Да и тётушка, Добродетельная наложница Сянь-фэй, разделяет их мнение. Если упустите столь блестящую партию, то зятем принца вам уже не бывать. Не верите? Что ж, спросите сами у матушки, брата или нашей августейшей родственницы в столице.

Лицо Хан Шу пошло багровыми пятнами. Он попытался огрызнуться, обвиняя племянника во лжи, но во взгляде, который он бросил на брата и престарелую мать, уже явственно сквозило глубокое подозрение.

На коленях посреди комнаты застыла притихшая Хан Сю. Ошеломлённая услышанным, она даже плакать позабыла.

Хан Чжо и старая госпожа обменялись быстрыми, мрачными взглядами. В комнате повисла гнетущая тишина.

Насладившись произведённым эффектом, Хан Сиэнь не торопясь, с лёгким сердцем покинул покои.

Как только дверь за ним закрылась, старая госпожа сердито стукнула кулаком по подлокотнику кресла и с досадой прикрикнула на непутёвого младшего сына:

— И что ты уши развесил? Позволил сопляку себя обвести? Не видишь разве, что он спит и видит, как бы пустить нашу семью по миру?

Тот замялся, неловко переступив с ноги на ногу, но всё же буркнул себе под нос:

— Уж не знаю, что там у вас с братом на уме... Указ о женитьбе скреплён императорской печатью, его не изменить. Но предупреждаю сразу: если кто-то вздумает строить козни за спиной пятого принца, пощады не ждите.

При этих словах он многозначительно зыркнул на притихшую у его ног Хан Сю.

Эта неприкрытая угроза заставила Хан Сю внутренне закипеть от злости, но она смолчала. Старая госпожа и вовсе побелела от ярости и, дрожащим пальцем указав на дверь, выдохнула:

— Вон! Пошёл вон отсюда!

Хан Шу нехотя попятился к выходу и скрылся за дверью. Видя, что брат и мать пребывают в крайнем гневе, Хан Сю поспешно утёрла слёзы и последовала его примеру. Умение читать по лицам и вовремя уносить ноги её никогда не подводило.

Когда в покоях остались лишь Хан Чжо и старая госпожа, у той при мысли о томящемся в ссылке третьем сыне, Хан Пине, вновь хлынули слёзы.

— Проклятое отродие! — запричитала она, промокая глаза платком. — Сначала сжил со свету моего бедного третьего мальчика, а теперь и всю семью по ветру пустить хочет! Чистое наказание Господне...

— Не убивайтесь так, матушка, — глухо отозвался Хан Чжо. — Он перешёл дорогу тем, с кем шутки плохи. Даже если мы пальцем не пошевелим, другие найдут способ с ним расквитаться. Пусть потешится напоследок. Зачем нам самим марать руки?

— Живучая тварь, — сквозь зубы процедила старуха. — Надо же, какая удача! Смерть была на волосок от него, так нет же — подвернулся этот паршивец из клана Бай. — Она на мгновение замаялась, а затем заговорила тише, с явной тревогой: — А со старшей принцессой осечки не выйдет?

В последнее время люди Великой принцессы не раз выходили на них, обсуждая план устранения Хан Сиэня и третьего принца, Цзи Ло. Та уверяла, что от их дома не потребуется посылать убийц — достаточно лишь передать точный маршрут поездки Сиэня.

Хан Чжо, разумеется, был слишком хитёр, чтобы оставлять улики. Сведения о дороге он передал, но ни единого человека из своего окружения к делу не привлёк. Случись заговору раскрыться, герцог вышел бы сухим из воды.

К тому же он прекрасно понимал: Великая принцесса — лишь орудие. Истинной заказчицей была вдовствующая императрица, которую Сиэнь умудрился смертельно оскорбить в её собственных покоях. Никто, кроме неё, не ведал истинных чувств герцога к собственному сыну.

Ведь именно вдовствующая императрица в своё время надоумила их ввести во дворец Хан Юнь, чтобы та соперничала за монаршую милость с Ван Ином.

Своими догадками с матерью Хан Чжо делиться не спешил, и старая госпожа пребывала в полной уверенности, что жаждой мести горит исключительно Великая принцесса.

Хан Чжо помолчал, разглаживая складки на халате.

— Самонадеянный глупец, — заговорил он ровным, бездушным голосом. — Стоило императору пару раз прислушаться к нему, как он возомнил себя вершителем судеб. Да в совете половина чиновников мечтает закопать его живьём! Сын Великой принцессы теперь калека до конца дней, и она не успокоится, пока виновник не сгниёт в земле. Нам нужно лишь набраться терпения. Нашёлся тот, кто сделает всю грязную работу за нас.

— Твоя правда, пускай себе роет могилу, — кивнула старуха. — Не может же ему вечно везти. — Она вздохнула, вспомнив о другом. — Но вот братец твой второй... Ты же знаешь его: упрям как осёл, а верит любой сплетне. Цинсюэ только-только сосватали, он ходил сам не свой от радости, а тут этот паршивец плюнул ему в душу. Хан Шу теперь места себе не находит от злости и обиды. Поговори с ним, успокой.

— Не беспокойтесь, матушка. Я знаю, как подступиться к младшему брату, и не стану держать на него зла.

Старая госпожа согласно кивнула, окончательно успокоившись. Она прекрасно знала нрав второго сына: недалёкий и трусливый, сколько бы он ни пыжился от обиды, стоило Хан Чжо лишь нахмурить брови, как тот послушно поджимал хвост.

И всё же в эту ночь крепким сном во всём герцогском поместье спал один лишь Хан Сиэнь. Ни Хан Чжо, ни Хан Шу, ни старая госпожа, ни тем более встревоженная младшая родня так и не сомкнули глаз до самого рассвета.

Императорский указ, повелевающий Хан Сиэню расследовать нападение, произвёл в придворных кругах эффект разорвавшейся бомбы. Столичные сановники затрепетали от страха. Проклинаая выскочку в глубине души, каждый лихорадочно прикидывал: не угодит ли он под горячую руку безумного маркиза? Ведь тот глазом не моргнёт — отберёт имущество, пустит прахом весь род, а самого лишит головы.

Впрочем, министры и генералы давно научились осторожности. На аудиенциях у государя они хранили гробовое молчание, опасаясь высочайшего гнева, и лишь за порогом тронного зала вновь брались за кисти, строча бесчисленные жалобы на царского любимчика.

Видя, что после оглашения воли евнухом Юань Бао в зале воцарилась мёртвая тишина и никто не посмел перечить, император остался крайне доволен своим неоспоримым авторитетом.

— Раз у моих верных подданных нет возражений, — велеречиво произнёс владыка, — расследование возлагается на Хан Сиэня. Дело это государственной важности, и если следствие приведёт его к воротам чьей-то усадьбы, извольте оказывать ему всяческое содействие.

Сановникам оставалось лишь безропотно склонить головы, принимая неизбежное.

Стоило монарху покинуть зал заседаний, как влиятельные вельможи плотным кольцом обступили Хан Чжо, осыпая его двусмысленными, ядовитыми поздравлениями.

Герцогу Хань оставалось лишь натянуто улыбаться и заверять почтенных мужей, что всё это — исключительно проявление безграничной императорской милости.

Сиэнь в это время всё ещё лежал больной, так что явиться во дворец лично не мог. Императора это, впрочем, не заботило: высочайшая воля была явлена двору, а сам свиток с указом в конце концов доставят прямо в руки новоиспечённого следователя.

Шли дни. Прошло больше недели, но напряжение в столице не спадало. Придворные буквально спали с открытыми глазами, содрогаясь от мысли, что в один прекрасный день у их ворот раздастся требовательный стук людей Хан Сиэня.

Однако, к общему изумлению, получив указ, молодой маркиз заперся в своих покоях и не выказывал ни малейших признаков бурной деятельности.

Для тех, чья совесть была не совсем чиста, это томительное бездействие превратилось в сущую пытку. Они одновременно желали его появления и до смерти его боялись, подозревая, что за этим затишьем скрывается подготовка к какому-то сокрушительному удару. Всех причастных к дворцовым интригам разрывали противоречивые чувства.

На самом же деле Хан Сиэнь и не думал плести козни. Он просто восстанавливал силы в тишине своей усадьбы. Повреждённое плечо заживало медленно, а затевать распрю, преодолевая сильную боль, было бы верхом неблагоразумия.

В один из таких дней, едва служанка Юнь Чжи закончила менять повязку на его плече, Хан Сиэнь устроился на галерее, созерцая безмятежное небо. Тишину нарушил Бай Шу, который буквально влетел во двор.

Насупившись, юноша уселся напротив Сиэня. Губы его были сжаты в узкую линию, а надутые щёки выдавали крайнюю степень недовольства.

Хан Сиэнь перевёл на него взгляд и мягко спросил:

— Что стряслось? Кто успел тебя разгневать?

— Родня из дома Бай, — не стал таиться Бай Шу.

Ни он сам, ни генерал Бай Вэньхань не питали к родному клану тёплых чувств. Однако долг приличия обязывал генерала, как высокопоставленного чиновника, являться на семейные

торжества, дабы не давать недоброжелателям повода обвинить его в забвении сыновней почтительности.

Долгое время им удавалось сосуществовать вполне мирно. Накануне в усадьбе праздновали день рождения главы рода, Бай Цзюня. Дом полнился гостями, но Бай Шу, питавший отвращение к светской суете, остался дома. Генерал отправился на торжество в одиночку.

И надо же было случиться беде. Изрядно захмелевший Бай Цзюнь, уязвлённый обычным холодным безразличием брата, внезапно пришёл в ярость. Прилюдно, на глазах у изумлённых гостей, он принялся поносить Вэньханя и его воспитанника за непочтительность, после чего велел принести палки и самолично, со всей дури, избил прославленного генерала.

Если бы обезумевшего от вина хозяина вовремя не оттащили в сторону, он, пожалуй, забил бы брата до смерти.

<http://bllate.org/book/20088/2002042>